

Режиссер разговаривает с современником

НА ПЕРВЫЙ взгляд кажется, что режиссеру много легче разговаривать со зрителем на современную тему, что «Ирмутскую историю», скажем, ставить легче, чем «Гамлета»... По-моему, это не так.

Арчил Евстафиевич Чхартишвили говорит раздумчиво, как бы споря с самим собой. И его мысли в этом случае убеждают более, чем если бы они высказывались категорически.

— Да, конечно, современный на сцене — это большая притягательная сила. Зритель следит за каждым движением его души. Ведь это, очень часто, — его дела, его мысли, ведь это о тех, кто рядом с ним. Именно поэтому тут очень страшно ошибиться. Чтобы заставить зрителя поверить героям на сцене, нужны предельная правдивость, психологическая убедительность и ни одной фальшивой ноты, ни одного искусственного жеста. Иначе здание, тщательно воздвигаемое режиссером и актерами, рухнет.

Эти тревоги преследовали А. Чхартишвили и в период его последней работы — над пьесой К. Тренева «Любовь Яровая» — первой премьеры марджановцев в нынешнем сезоне. Каким получится спектакль? Об этом пусть судит зритель, но авторы его стремились по-новому, по-своему интерпретировать пьесу.

Бессмертный подвиг народа в революции, ее романтика и пафос ожили у Арчила Чхартишвили и в спектакле «Оптимистическая трагедия». Будучи показана в Москве, на Декаде грузинского искусства, она и здесь имела большой успех. А это говорит о многом.

Может быть, именно, эти два спектакля определяют творческий почерк режиссера. Может быть, именно они, а не «Медея» и не «Царь Эдип», спектакли, заслуженно получившие очень высокую оценку общественности, говорят о главной теме его творчества. Хотя и в тех, и в других волнуют зрителя размах, творческая фанта-

зия, гражданственность режиссерской мысли.

20-е годы... Котэ Марджанишвили, самозабвенно увлеченный созданием нового советского театра, театра революции, собирает вокруг себя талантливую молодежь. Он и определил путь Арчила Чхартишвили в искусстве. Скромного молодого статиста с историко-филологическим образованием К. Марджанишвили делает своим помощником. Шесть лет работать с безудержно влюбленным в театр Котэ, шесть лет, сначала в театре Руставели, потом в Кутаисском театре наблюдать изнутри творчество этого необычайно многогранного художника... Эти годы не могли пройти бесследно. Оказал на него свое влияние и яркий талант Сандро Ахметели.

Арчилу Чхартишвили посчастливилось: свой первый спектакль — «Бравый солдат Швейк» на кутаисской сцене он ставил в начале 30-х годов вместе со щедро одаренным театральным художником Петре Оцхели. Музыка к этому сатирическому спектаклю — памфлету написал Андрей Баланчивадзе. Молодой режиссер обнаружил острое чувство современности: над миром нависла угроза фашизма, в Германии рвался к власти Гитлер.

К какому бы драматическому материалу ни обращался А. Чхартишвили, во всем сказывалась его тяга к современности, масштабность его режиссерского мышления. Были ли это произведения советских авторов — «Очаг Харатели» М. Мревлишвили, «Его звезда» И. Мосашвили, «Платон Кречет» А. Корнейчука или грузинская классика — «Игнанник» Важа Пшавела, или античность — «Медея» Эврипида.

Даже такие разные писатели, как Эврипид и Важа Пшавела, приобретают у Арчила Чхартишвили современное звучание. Потому что всегда режиссера интересует судьба народа, судьба человека, его огромная ответственность перед обществом.

Этой своей настроенностью А. Чхартишвили умеет заражать актеров. Так было в Батуми и Кутаиси, в театре Руставели и театре Марджанишвили, где сейчас он является художественным руководителем.

А. Чхартишвили не боится рисковать в поисках нового: нового содержания, новой формы, нового сценического языка.

Привлеченный актуальностью содержания, новизной формы пьесы Р. Эбралидзе «Современная трагедия», режиссер ставит ее на сцене театра имени Руставели. И пусть ему не во всем удалось преодолеть недостатки этого произведения, эта постановка останется примером интересного поиска, еще одним шагом к театру сегодняшнего дня.

А. Чхартишвили был участником встречи руководителей партии и правительства с деятелями культуры и многое с того времени передумал.

Он говорит о театре трезво и деловито, может быть, излишне сухо. Но в его словах проскальзывает беспокойство за театр, за репертуар, за молодого актера.

Нет, А. Чхартишвили не против специального образования для молодых актеров. Режиссером можно стать только в театре, общаясь и встречаясь в спектаклях с большими мастерами.

Где выход? Надо создать при театрах студии, которые, помимо учебы, будут принимать непосредственное участие в творческой жизни театра.

Арчил Евстафиевич остается только на двух своих ближайших замыслах — «Современных новеллах» по произведениям молодых грузинских писателей и «Фаусте» Гете. Эти творческие задачи говорят о глубине и разносторонности художественной индивидуальности режиссера.

И все-таки А. Чхартишвили не перестает мечтать о такой грузинской советской пьесе, которая стала бы событием и для театра, и для зрителя.

Л. ЭЙВИН.

427